

Когда старая госпожа Хань скончалась, герцогу Хан Чжо — хотел он того или нет — пришлось на глазах у всей столицы облачиться в глубокий траур. По закону ему надлежало соблюдать траур по родителям в течение трех лет, что на деле приравнивалось к двадцати семи месяцам. Императоры, те и вовсе заменяли месяцы днями, ограничиваясь двадцатисемидневным воздержанием, так что на их фоне придворные чиновники выказывали истинное, образцовое почтение. Хан Сиэню как старшему внуку по прямой линии полагалось носить траур ровно год.

Среди многочисленной родни больше всего не повезло молодым людям из третьей ветви — Хан Юэцину и его сестре Хан Цинюань. Ни тот, ни другая еще не успели обручиться или хотя бы договориться о сватовстве, а теперь, когда герцогский дом погрузился в траур, об устройстве их судеб пришлось забыть. К моменту, когда ворота поместья вновь откроются для сватов, они оба выйдут из нежного возраста, и найти им достойную партию станет почти невозможно. Их мать, госпожа Вэнь, исходила тайной желчью, завидуя небывалой удаче Хан Цинсюэ и Хан Минчжу, и то и дело горько плакала в подушку, сокрушаясь о несчастной доле собственных чад.

Особенно смирным Хан Юэцин стал после того, как Хан Сиэнь проучил Хан Юэчжуна. С тех пор как Хан Цинсюэ сделалась законной супругой пятого принца, Хан Юэчжун глядел на родственников из третьей ветви исключительно свысока. Однако со смертью старой госпожи положение этой ветви в поместье сделалось совсем неизящным. Невзгоды открыли Хан Юэцину глаза на истинное нутро кузена, и он поспешил отдалиться от второй ветви, осознав, что никакой пользы от этого союза не получит.

К счастью, после кончины старой госпожи Хань разделять семейное имущество и разъезжаться не стали — Хан Чжо не хотел плодить слухи. Окажись третья ветвь за воротами герцогского поместья сейчас, им пришлось бы совсем туго. Поняв, что надеяться больше не на кого, Хан Юэцин стал задумываться о будущем. Он ясно сознавал: если к концу траура он не найдет своего дела, в этом доме о них окончательно станут вытирать ноги.

Его сестра, Хан Цинюань, напротив, вела себя на удивление спокойно. Ее сердце остыло еще тогда, когда кузина Хэ Юйчжу вошла в поместье пятого принца на правах боковой наложницы, Хан Цинсюэ заняла там место законной супруги, а Хан Минчжу выдали за уездного князя Юна. Сама же она осталась не у дел. Старая госпожа при жизни часто сжимала ее ладонь и клялась подыскать достойного мужа, но Хан Цинюань понимала: из-за позорного прошлого ее отца, Хан Пина, репутация всей их семьи запятнана. Ни один приличный столичный дом не пожелал бы породниться с ними.

Однако старая госпожа Хань до последнего не желала сдаваться. Она видела в Цинюань дочь своего любимого младшего сына, благородную барышню, повидавшую свет, и не желала отдавать ее первому встречному. Семьи победнее старая госпожа отметала сама, а знатные и богатые воротили нос от бесприданницы с сомнительной родословной. В итоге старая госпожа Хань ушла в мир иной, так ничего и не устроив, а своей кончиной лишь связала внучке руки. Теперь Хан Цинюань смотрела на вещи трезво. Единственное, чего она желала по окончании траура, — это выйти замуж за самого обыкновенного человека, пусть даже небогатого, лишь бы вырваться из Поместья герцога Хань и не позволить родственникам использовать себя как разменную монету.

Для самого же Хан Сиэня этот год не обещал стать суровым испытанием. Во-первых, он не был женат, а значит, ему не грозила опасность оступиться в период глубокого траура — согрешить по недержанию плоти и нажать незаконного младенца на радость врагам. Во-вторых, он не числился на государственной службе, не питал чиновничьего тщеславия и не нуждался в плетении придворных интриг. Ему было глубоко безразлично, переменится ли власть за этот год и останется ли для него теплое местечко у престола.

Что же касается Хан Чжо, то, прорыдав сутки напролет после кончины матери, он быстро взял себя в руки и осознал: траур соблюдать придется неукоснительно. Важно было явить миру безупречную сыновнюю почтительность. Сразу после того, как прах старой госпожи упокоился в одной могиле с прежним герцогом, Хан Чжо принял чрезвычайно смиренный вид, приказал наглухо запереть ворота усадьбы и объявил, что отныне полностью посвящает себя скорби и молитвам.

Однако та безобразная сцена, которую затеял Хан Шу перед самой кончиной старой госпожи, не на шутку встревожила старую госпожу Ван и Хан Минчжу. Родня покойной теперь считалась посторонней, и старая госпожа Ван больше не могла запросто приходить в гости в дом, где держали траур. Хан Минчжу, выданная замуж, тоже потеряла право навещать брата без веской причины. Обе женщины места себе не находили от страха, что Хан Чжо и Хан Шу воспользуются затворничеством Хан Сиэня и избавятся от него.

К счастью, эту заботу взял на себя Цзи Ло. Он повадился наведываться к Хан Сиэню чуть ли не каждые несколько дней. На правила приличия он плевать хотел: визитные карточки в Поместье герцога Хань не посылал, в парадные покои не просился — просто заглядывал во флигель, чтобы убедиться, что Сиэнь жив-здоров, и тут же исчезал.

Хан Чжо от этих визитов буквально исходил желчью. Однако император до сих пор не вынес решения по делу Хан Шу, и в глазах столичного люда герцогская семья выглядела сущими тиранами, изводящими сироту. И пусть иные шептались, будто Хан Сиэнь сам напросился из-за своей непомерной спеси, крыть герцогу было нечем — правда оставалась не на его стороне.

В конце концов Хан Сиэню самому надоело, что наследный принц шатается к нему от безделья, и он бесцеремонно выставил гостя за дверь. Свой отказ он объяснил просто: во дворец за его здоровьем следит лекарь Чжоу, регулярно навещающий Дворик Душистых Орхидей. Случись с ним что в герцогских стенах — лекарь узнает первым и тут же доложит государю. Так что излишняя опека Цзи Ло ни к чему.

К тому же Сиэнь прямо напомнил ему: Цзи Ло только-только утвердился в статусе наследного принца, в то время как пятый принц, Цзи Хуай, сейчас находится далеко на западе, у заставы Небесных Врат. Сейчас принцу следовало крепить собственную власть в столице, не давая сопернику ни единого шанса укрепить позиции на рубежах. Цзи Ло внял разумным доводам и умерил свой пыл, прекратив постоянные набеги.

Весь год Хан Сиэнь скорбел истово и безупречно. На людях он не притрагивался ни к хмельному, ни к мясу, так и не дав ищейкам Хан Чжо повода для доноса. А уж баловал ли его Ань Цао сытным бульоном за закрытыми дверями флигеля — об этом история умалчивала.

Зато Хан Шу не выдержал. Всего через два месяца после похорон матери, невзирая на строжайшие запреты и угрозы старшего брата, он сорвался. Одной темной, глухой ночью, изрядно набравшись вина, он поддался хмельному угару и разделил ложе с собственной супругой, госпожой Чжан.

В благородных семействах на подобные вольности во время траура обычно закрывали глаза, покуда дело не доходило до греха — то есть до нежелательной беременности. Но стоило один раз преступить запрет, как остановиться сделалось невозможно. И пусть госпожа Чжан годами уступала молоденьким наложницам мужа, она оставалась его законной супругой. Хан Шу просто не осмеливался бегать к служанкам, панически боясь огласки и позора.

К тому же в этой тайной греховности между законными супругами появилось некое пикантное очарование, вновь разжегшее былую страсть. Они стали встречаться все чаще, и месяц спустя госпожу Чжан внезапно настигла странная хворь: закружилась голова, подкатила дурнота, началась сильная рвота. Оба не на шутку перепугались. Своим слугам госпожа Чжан объявила, будто просто объелась несвежим, и, чтобы отвести подозрения, велела сварить обычный желудочный отвар.

Пригласить лекаря в дом в разгар траура они не смели, и Хан Шу едва ли не рвал на себе волосы от досады. Он сразу отрезал: если она понесла, от плода придется избавиться. Госпожа Чжан, хоть и понимала всю безвыходность их положения, залилась слезами — материнское сердце противилось убийству дитя. Хан Шу от ее слез впал в ярость и, не выбирая выражений, зашипел:

— Залететь в глубоком трауре! Если об этом пронюхают, нам обоим несдобровать! Хочешь сгнить заживо — подыхай одна, меня за собой не тяни! Ежели кто узнает, я скажу, что знать ничего не знаю!

От этих жестоких слов у госпожи Чжан внутри все заledenело. Поняв, что сострадания не дождется, она велела доверенной служанке тайно купить снадобье, прерывающее беременность. Девушка была предана хозяйке и бросилась исполнять приказ, да только на ее беду у самых ворот усадьбы она нос к носу столкнулась с Хан Сиэнем, который как раз провожал лекаря Чжоу. Завидев молодого господина, служанка так перепугалась, что выронила сверток прямо в дорожную пыль.

Лекарь Чжоу, знавший толк в кореньях и травах, мгновенно распознал запах снадобья. Он лишь брезгливо нахмурился, в очередной раз поразившись царившему в герцогском доме распутству, круто развернулся и ушел, гневно взмахнув широкими рукавами халата. Хан Сиэнь же не торопясь поднял сверток, смерил дрожащую девицу ласковым взглядом и с мягкой улыбкой приказал Ань Цао немедля доставить находку во дворец наследного принца.

Цзи Ло времени даром не терял и тут же нашептал кому надо во дворец о прегрешениях Хан Шу. Разгневанный государь призвал пред свои очи лекаря Чжоу, и тот, не смея лгать владыке под страхом смерти, подтвердил постыдную догадку. Ответ императора был сокрушителен: высочайшим указом Хан Шу лишили чиновничьего звания, объявив, что столь нечестивый и лишенный сыновней почтительности муж недостоин служить престолу, и приговорили к

тридцати ударам тяжелыми палками. Императрица тоже не осталась в стороне: ее велением госпожу Чжан лишили жалованной грамоты и велели прилюдно отвесить ей тридцать пощечин.

Исполнители из числа дворцовых слуг хоть и пощадили суставы Хан Шу, не сделав его калекой, но жизнь его была растоптана навек — он лишился всего. Госпожа Чжан лишилась чувств на десятом ударе, и до конца экзекуции ее избивали уже беспамятную. Что же касается нерадивой служанки, то девица, здраво рассудив, что разгневанная госпожа сдерет с нее кожу, не стала дожидаться расправы. Она тихонько прибрала к рукам шкатулку с золотом и украшениями второй ветви, выскользнула за ворота и сгинула без следа.

Очнувшись на своей постели, окровавленный Хан Шу иступленно хрипел, ломая пальцы, и клялся, что все это — коварные козни Хан Сиэня. Однако его словам никто не верил: даже Хан Чжо лишь хмурился, хотя в глубине души его тоже точили смутные сомнения.

Когда к бесчувственной госпоже Чжан наконец пустили уездного лекаря, обитатели поместья затаили дыхание, уверенные, что теперь позорная тайна окончательно выплывет наружу. Каково же было их изумление, когда старик, убрав руку от ее запястья, объявил: никакой беременности нет и в помине. Госпожа просто обжелась холодного жирного мяса да застудила желудок, отчего ее и выворачивало наизнанку.

Услышав это, Хан Шу закатил глаза и рухнул обратно на подушки без памяти. Его выпороли палками, лишили чинов, выставили на посмешище перед всей столицей — и ради чего? Из-за нелепой ошибки!

«Уязвимы абсолютно все, — лениво размышлял Хан Сиэнь, сидя под раскидистой кроной дерева во Дворике Душистых Орхидей. — Моим собственным слабым местом долгое время оставалось лишь отсутствие верных людей в этом доме».

Именно поэтому, когда Хан Чжо и Хан Шу, прознав о скорой отправке пятого принца на границу и внезапной болезни старой госпожи, решились на отчаянный шаг — составить заговор и прикончить племянника прямо в усадьбе, чтобы разом обрубить все концы...

... Хан Сиэнь сам подготовил для них ловушку. Он хладнокровно выбрал момент, парой точных слов довел вспыльчивого дядюшку до иступления и заставил того ударить раньше времени. Подставиться под клинок было рискованно, но полученная рана послужила неопровержимым доказательством, которое он тут же представил императору. С того самого дня Хан Чжо потерял покой — теперь он и дышать в сторону племянника боялся, зная, что любая случайность будет стоять ему головы.

Конечно, в одном Хан Шу не лгал: как только сталь вошла в грудь юноши, ошарашенный дядя тут же выпустил рукоять. Клинок Хан Сиэнь выдернул сам — хладнокровно, не дрогнув лицом. Сделал он это лишь для того, чтобы кровь хлестала сильнее, а его бледность напугала лекаря Чжоу, который впоследствии красочно описал ранения государю. Это была безумная игра со смертью, но Хан Сиэнь сорвал куш.

Найти же управу на похотливого дядюшку оказалось проще простого. Хан Шу оставил после себя столько грязных следов, что Сиэню даже не пришлось марать руки, чтобы низвергнуть его в бездну. Ведь далеко не каждая служанка в богатом доме спит и видит, как бы забраться в постель к хозяину и сделаться младшей наложницей.

Та самая доверенная девица госпожи Чжан мечтала лишь о свободе. Она бережно копила медяки, надеясь выкупить себя из кабалы, ведь за стенами поместья ее ждал любимый человек. Пусть их жизнь не обещала быть сытой и праздной, зато там никто не смел бы безнаказанно бить ее и унижать.

Но девицу сгубила ее миловидность — на нее положил глаз похотливый Хан Шу. Госпожа Чжан прекрасно знала повадки супруга, но рассудила по-своему: раз девка своя, то и преданность сохранит. Она лично втолкнула служанку в объятия барина. Разве кого-то волновали слезы бесправной сироты? Став наложницей поневоле, служанка притворно лила слезы благодарности, изображая собачью верность хозяйке, и со временем полностью втерлась к ней в доверие, став скрытой угрозой в самом сердце второй ветви.

Ей не составило труда подсыпать в еду госпожи травки, вызывающие тошноту и головокружение, дабы убедить ту в скором прибавлении. А уж то, как «случайно» она столкнулась у ворот с Хан Сиэнем и как ловко обобрала хозяев перед тем, как бесследно исчезнуть из столицы... Кто докажет, что здесь замешана рука Наследника? Спроси его кто-нибудь прямо, он лишь удивленно вскинет брови, списав все на справедливую волю Небес.

После этого позорного происшествия поместье герцога Хань окончательно превратилось в посмешище всей столицы, и его ворота стали обходить стороной. Хан Цинсюэ, сделавшаяся супругой пятого принца, была так взбешена поведением матери, что всякий раз, когда госпожа Чжан пыталась вымолить у нее свидание, холодно отвечала через слуг, что занята. Зато Хэ Юйчжу, боковая наложница принца, сориентировалась мгновенно: узнав о приезде несчастной женщины, она велела поднести той пятьсот лянов серебра. Этим щедрым жестом она не только снискала славу милосердной души, но и загнала Хан Цинсюэ в ловушку. Та от ярости разбила драгоценную нефритовую вазу в своих покоях, но вынуждена была переступить через гордость и принять мать. Не сделай она этого, злые языки мигом разнесли бы весть, что наложница Хэ почитает чужую мать больше, чем родная дочь.

После громкого скандала с Хан Шу в герцогском доме больше не случилось потрясений. Наступило затишье. Впрочем, правильнее было бы сказать, что тише воды, ниже травы стал вести себя сам Хан Чжо. Такая покладистость вполне устраивала Хан Сиэня.

Шаг за шагом Хан Чжо лишится всего: сначала верного брата, подпиравшего его плечом, затем влияния во дворце, а в конце концов — и самого герцогского титула. И самое сладостное было в том, что поделаться с этим старый лис ничего не сможет — лишь бессильно наблюдать за собственным крахом.

\*\*\*

Когда год скорби по старой госпоже истек, Хан Сиэнь сменил глухие белые одежды на привычное платье. Другие молодые господа из герцогского дома тоже поспешили вернуться к светской жизни. Хан Юэчжуна, правда, из-за подмоченной репутации принимали теперь холодно, но тот, прикрываясь именем высокородной сестрицы, без смущения навязывался в прежние компании, и кое-кто из жалости или осторожности все же выказывал ему толику уважения.

А вот Хан Юэцин удивил всех: благородный молодой господин подался в торговлю. Для отпрыска знатного рода сделаться купцом означало навсегда поставить крест на чести и карьере — общество презирало торговцев.

Когда третья ветвь в положенный срок покинет родовое гнездо, ее потомки будут числиться безродным купеческим сословием. Однако сам Юэцин рассудил здраво: в их положении не было ничего страшнее безденежья. Учился он недурно, но тратить годы на подготовку к государственным экзаменам не имел ни сил, ни желания. К тому же над его отцом висело позорное клеймо, и даже прояви Юэцин блестящие таланты, государь никогда бы не приблизил к себе сына опального чиновника.

Потеряв защиту старой госпожи, третья ветвь сполна вкусила служебного высокомерия: челядь поместья, мгновенно почуяв перемену ветра, принялась угождать сильным и помыкать слабыми. Госпожа Вэнь от такого обращения состарилась на глазах; от ее прежней лукавой веселости и сладких речей, которыми она когда-то умасливала свекровь, не осталось и следа. Взвесив все, Хан Юэцин окончательно утвердился в мысли, что лучше быть богатым купцом, чем нищим приживалом.

Впрочем, столичных бездельников судьба младших братьев занимала мало. Все взоры были прикованы к Хан Сиэню. Праздная толпа затаила дыхание, гадая: какую бурю устроит Наследник, прошедший целый год в добровольном заточении?

Прошел день, другой, неделя, месяц... а Хан Сиэнь так ни разу и не переступил порог усадьбы. Для его недоброжелателей это томительное ожидание превратилось в пытку — неопределенность висела над ними, точно занесенный меч. Наконец сам император вспомнил о племяннике и вознамерился призвать его во дворец.

Однако лекарь Чжоу вовремя удержал государя от этого шага. Склонившись в глубоком поклоне, он поведал, что здоровье Наследника после тяжелой раны едва-едва пошло на поправку, а хрупкое равновесие может нарушить любая дорожная тряска или волнение. Император со вздохом отложил указ и велел племяннику оставаться дома и беречь себя.

Ни правитель, ни придворные тогда и подумать не могли, что это «восстановление» затянется еще на долгих два года.

\*\*\*

Два года пролетели незаметно. Герцог Хан Чжо вернулся на службу, однако за время его

отсутствия власть при дворе полностью прибрал к рукам наследный принц Цзи Ло. Прежних лазеек для интриг почти не осталось, и Хан Чжо оказался не у дел.

В душе герцог исходил бессильной злобой, но лицо его оставалось бесстрастным, точно высеченным из камня. На утренних приемах он неподвижно стоял среди сановников, изображая праздного, лишенного амбиций старца, и терпеливо выжидал подходящего момента.

В один из обычных дней лекарь Чжоу вновь прибыл в герцогское поместье, дабы осмотреть больного. Следом за ним, не таясь, в усадьбу пожаловал и сам наследный принц Цзи Ло. К слову сказать, за все это время Хан Сиэнь действительно усердно занимался своим здоровьем и почти не покидал стен Дворика Душистых Орхидей.

Он отказывал в приеме даже сестре, Хан Минчжу, когда та изредка навещала родной дом, что уж говорить о прочих визитерах. Единственным исключением оставался Цзи Ло, привыкший входить без приглашения.

Впрочем, даже принц уже больше года не видел лица своего друга. Год назад Хан Сиэнь, сославшись на сильные отеки, стал носить изящную серебряную маску, открывавшую лишь глаза, так что его истинный облик оставался тайной для окружающих.

Когда Цзи Ло и лекарь Чжоу переступили порог Дворика Душистых Орхидей, Хан Сиэнь сидел в тени крытой галереи, лениво перелистывая сборник дорожных заметок. Он заметно окреп за эти годы: плечи раздались, в фигуре больше не сквозила прежняя болезненная хрупкость.

Серебряная пластина скрывала лицо, оставляя видимыми лишь четко очерченный подбородок да холодный, пронизательный взгляд. Завидев вошедших, Сиэнь неторопливо закрыл книгу:

— И не лень наследному принцу тратить время на пустяки? Слышал я, на западных рубежах беспокойно, да и в тронном зале министры третий день глотки друг другу рвут.

Из-за плотно прилегающего серебра голос его звучал глухо и неестественно хрипло, но Цзи Ло давно привык к этому ровному, чуть надтреснутому тону.

Достав из рукава плотный конверт, принц небрежно бросил его на низкий столик у кресла Сиэня и развел руками:

— Подумаешь, какой суровый приём. Будто мне самому в радость созерцать твою постную мину. Держи — тебе письмо с границы. В Сицзяне последние два года беспокойно, а уж теперь — и подавно. Того и гляди полыхнет. Мой пятый братец как раз сегодня умолял отца отпустить его на передовую.

При этих словах Цзи Ло помрачнел. Его беспокоило не столько рвение Цзи Хуая, сколько

натянутые отношения с великим генералом Бай Вэньханем, с которым принц тайно связался еще три года назад.

Маркиз Цзинго, столько лет державший в кулаке западную границу, по-прежнему сохранял там огромное влияние, и Цзи Ло без труда устроил так, чтобы его люди приглядывали за братьями Бай Вэньханем и Бай Шу. И все же бывшему генералу, разжалованному ныне до простого тысяцкого, тяжело давалось новое положение.

Хуже всего было то, что при каждом тайном донесении от Вэньханя обязательно прилагалось письмо от Бай Шу для Хан Сиэня. Цзи Ло злило, что Сиэнь за все время не отправил в ответ ни единой строчки. Чужая переписка его не касалась, приказывать маркизу он не имел права, а потому лишь терпеливо пересказывал ему вести с границы, надеясь зацепить хоть какую-то струну в его душе.

Да и, признаться, принца изнутри подтачивало глухое недоумение: с чего вдруг этот нелюдимый Бай Шу так преданно цепляется за капризного Наследника?

Пока принц предавался размышлениям, Хан Сиэнь холодно прервал его:

— Весть получена. Премного благодарен вашему высочеству за труды.

Цзи Ло нахмурился. Учтивость Сиэня всегда граничила с завуалированным издевательством, и этот раз не стал исключением.

Впрочем, задерживаться во флигеле принц и сам не собирался. Махнув на прощание рукой, он покинул дворик.

Едва шаги Цзи Ло затихли за воротами, Хан Сиэнь небрежным движением стянул маску и бросил ее на стол. Под серебряной пластиной скрывалось лицо столь безупречное, что оно казалось живым воплощением того самого портрета, который когда-то кистью набросал для него Бай Шу — разве что черты стали четче, утонченнее.

Благородная бледность чистой кожи, тонкий разлет бровей, безукоризненная лепка скул — в его облике сквозила редкая, почти пугающая красота, сочетавшая изящество драгоценной яшмы с твердостью боевого клинка. И лишь ледяное равнодушие, застывшее во взгляде, держало любого случайного зрителя на почтительном расстоянии, выдавая надменную гордость чистокровного аристократа.

Лекарь Чжоу, глядя на юношу, тихонько вздохнул. Наложив пальцы на запястье Наследника, он долго вслушивался в биение крови, после чего убрал руку и степенно произнес:

— Вчера государь вновь изволил расспрашивать меня о вашем самочувствии. Старый слуга не посмел кривить душой и доложил все как есть.



Хан Сиэнь лишь едва заметно кивнул:

— Передайте его величеству мою благодарность. Как только позволит здоровье, я непременно прибуду во дворец, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Лекарь Чжоу скользнул взглядом по жаровне, тлевшей у ног Сиэня даже в теплый день:

— Наследник и сам прекрасно знает слабости своей плоти. Все эти два года я не жалел сил и редких снадобий, но лекарства способны укрепить дух, но не переписать предначертанное. Ваше тело изнутри подтачивает застарелый холод. Берегите себя, господин мой, — следующая рана может стать последней.

Эти три года лекарь Чжоу протоптал торную тропу к флигелю Дворика Душистых Орхидей. Первые месяцы после покушения Хан Сиэнь буквально балансировал на краю могилы, и лекарь взвешивал каждую крупицу снадобий на тончайших весах, боясь неосторожным мазком оборвать эту тонкую нить. Когда же худшее осталось позади, он принялся терпеливо, шаг за шагом, возвращать юноше жизненные силы.

Лишь когда истощенное тело Сиэня смогло без вреда принимать по-настоящему сильные укрепляющие отвары, в ход пошли вековые запасы дикого женьшеня из герцогских кладовых. Сказать по правде, нынешним своим цветущим видом Наследник был обязан именно тому, что последние полтора года переводил драгоценные корни ведрами, точно обычную редьку.

Одно оставалось загадкой для лекаря: едва кожа юноши очистилась от следов болезни и обрела благородную белизну, он тут же велел выковать серебряную маску и с тех пор не показывался без нее посторонним. Впрочем, старый лекарь Чжоу втайне одобрял эту причуду. Нынешний Хан Сиэнь лицом стал пугающе походить на покойного Императорского благородного супруга Ван Ина. Для стареющего государя, чей разум годами терзала болезненная тоска по ушедшему фавориту, подобное сходство могло обернуться немилостью или новой бедой.

Помедлив, старик все же решился высказать свои опасения вслух. Понизив голос, он намекнул:

— Вы юноша проницательный, Наследник, и сами все понимаете. Наш повелитель недолюбливает излишнюю мужскую миловидность. Мой вам совет: пред очи его величества предстаньте в маске.

Хан Сиэнь оценил заботу старого лекаря и согласно наклонил голову:

— Благодарю за предостережение, господин Чжоу. Я учту ваши слова.

Старик неторопливо уложил баночки с притирками в дорожный ларец и со вздохом защелкнул замок:

— Все, что было в моих скромных силах, я для вас сделал. Дальнейшее — в руках Небес. Мой век клонится к закату, я уже подал прошение об отставке, намереваясь остаток дней провести в родной деревне. Так что видеться нам доведется нескоро.

Сиэнь мягко усмехнулся, покачав головой:

— Ваше искусство слишком драгоценно, господин Чжоу. Боюсь, государь не отпустит вас так легко, сколько бы прошений вы ни писали.

Лекарь лишь грустно улыбнулся в ответ. За эти три года, что он vyhаживал упрямого Наследника, они сблизились. В редкие часы досуга старик подолгу растолковывал Сиэню свойства редких трав и ядов, так что между ними незаметно возникло нечто вроде молчаливой привязанности учителя к способному ученику.

Чем лучше он узнавал Хан Сиэня, тем сильнее сокрушался. Юноша обладал острым, как бритва, умом, но древняя мудрость гласит: великое знание ранит душу, а глубокие чувства укорачивают век. Старик Чжоу слишком часто видел, как гаснут подобные яркие светильники.

Когда лекарь поднялся, чтобы откланяться, Хан Сиэнь привычным жестом вернул маску на лицо и лично проводил гостя до ворот двора.

Вернувшись под сень галереи, Наследник остановился у стола. Взгляд его упал на нетронутый запечатанный конверт, и грудь Сиэня едва заметно приподнялась от глубокого вздоха.

Он долго смотрел на плотную бумагу, словно силясь разглядеть написанное сквозь сургуч. Наконец его длинные пальцы коснулись конверта. Сиэнь взвесил его на ладони, задумчиво постучал краем бумаги по столу, но распечатывать не стал. Он прошел в свои покои, отпер резной ларец, стоявший у изголовья постели, и бережно опустил письмо на самое дно.

Там, в темноте шкатулки, уже покоилась добрая дюжина точно таких же писем — и ни одно из них не было распечатано.

Вспомнив о редких горных снадобьях и целебных кореньях, которые исправно доставляли ему с заснеженных перевалов Сицзяна все эти два года, Сиэнь устало потер виски. Долг перед Бай Шу рос с каждым днем, и платить по этим счетам становилось все труднее.

«Все началось с одной-единственной серебряной монеты, а теперь обернулось горой бесценных даров, — мысленно усмехнулся Хан Сиэнь. — Похоже, этот долг мне уже не вернуть до конца дней».